Филип Эдвард Томас – английский поэт и писатель. Сегодня Томаса считают одним из наиболее ярких представителей английской поэзии рубежа 19-20 веков, однако сам он не считал свои поэтические опыты достойными внимания, и при его жизни был издан лишь один небольшой сборник – и то под псевдонимом. В 1915 году поэт ушел на фронт добровольцем и погиб два года спустя в битве при Аррасе.

Свет погас

Я – на границе сна.
Бездонна глубина,
Деревья в тишине.
Каков бы ни был путь,
Когда с него свернуть,
Решать не мне.

Не счесть путей-дорог
В полуночный чертог,
В тот лес, незримый днем.
Но все они – обман:
Был камень – стал туман,
И тонешь в нем.

Любви здесь больше нет,
Надежд, страстей и бед.
У них – один удел:
Все сгинет в этой чаще,
И сон спокойный слаще
Достойных дел.

Не нужен мне сейчас
Ни взгляд родимых глаз,
Ни друг, ни отчий кров.
Ты вечно одинок,
Вступая на порог
Иных миров.

Лес темен и велик,
Как полки древних книг,
Листы летят в ночи.
Я им уже послушен,
Теряю путь и душу.
Веди. Молчи.

Мервин Пик (1911 – 1968)
Мервин Пик — английский писатель, поэт, драматург и художник, писал рассказы для детей и взрослых, театральные пьесы и радиопостановки, а также стихи в стиле «чушь и чепуха», блестящий иллюстратор.

* * *
Сказать я не сумею,
Могу я лишь напеть:
Сгоревшие апрели,
Луны безумной медь.

Все поученья вздорны,
Таюсь в полутонах –
Огромно и озорно,
И облако в штанах.

Глотущий и клокощий,
Текущий на рожон,
Мой голос полон мощи,
Которой я лишен.

Его краса любого
Вгоняет в блажь и дрожь.
Но если думать много,
Меня ты не поймешь.

Я по горам туманным
Бреду, увязший вдрызг
Меж сепийных фонтанов,
В плену зеленых брызг.

* * *

О, как могуч гренландский кит,
Как полон сил и воли,
Когда у камелька сидит
В пижаме тети Молли.

Чем плыть среди ледовых глыб,
И вы бы тоже, знаю,
Свой хвост усталый предпочли б
Согреть, и выпить чаю.

А тетя Молли крепко спит,
И лишь пожмет плечами,
Скажи вы ей, что хитрый кит
Приходит в дом ночами.

* * *

Нет, я сквозь пальцы не взгляну,
Когда иной кретин
Прилюдно потрошит жену,
Как будто он один.

Я отберу ужасный нож
И, брызгая слюной,

Скажу ему: "Ну ты даешь!
Зачем же так с женой?"

И девять раз из десяти
Раздастся скорбный стон,
И может так произойти,
Что зарыдает он,

Завоет волком на луну,
Одежды разодрав,
И я бедняге нож верну:
"Ступай, мой друг. Добей жену.
Я понял, что ты прав".

Чарльз Косли (1917 – 2003)

Поэт из Корнуолла, которого почему-то часто относят к детским поэтам – но разве возможно однозначно определить эту грань? Уж точно не в случае Косли, одного из наиболее многоплановых британских поэтов XX века.

Ангел
Я видел: ангел раненый упал
В холодный сумрак парковых аллей.
Рассветный небосвод был ярко-ал,
И кровь струилась, мрамора белей.

Я слышал шелест рассеченных крыл –
Он силился взлететь в последний раз.
Во лбу его алмаз Царей светил,
Небес взыскуя, как голодный глаз.

Простер я плащ – укрыть его в тени,
Сорвал рубаху – утереть лицо,
Принес воды – омыть его ступни,
Поднял свой щит – спасти от мертвецов.

Но опалил мой ангел руки мне,
Вернул мое сочувствие плевком,

Уполз в крови и золоте к стене,
Где мог страдать и умереть тайком.

Один ушел я в стужу и снега.
Я видел, слышал, но не мог помочь.
Взмыл с виселицы ворон в облака,
Закаркал хрипло и умчался прочь.

Песенка невинности и опыта

У меня был медный грош,
Ветка абрикоса.
На причале в мелкий дождь
Я сказал матросу:

“Эй, моряк! Ты привезешь
(А не то – заплачу!),
Если дам тебе я грош
С веточкой в придачу,

Через море-океан,
Что гремит, пугая,
Меч, турецкий барабан
Или попугая?”

Рассмеялся зычно он,
Обнял – вот так хватка! –
Словно смерть, моряк силен,
А дыханье – сладко:

“Экий ты смешной чудак,
Балабол беспечный!
Все, что хочешь, просто так
Привезу, конечно”.

Утонул во тьме фрегат,
Крохотный, как блюдце.

Словно листья, дни летят,
Годы вдаль несутся…

Сталью засверкал рассвет,
Вижу – с ветром споря,
Серый грузный силуэт
Показался в море.

Как во сне, он плыл и плыл,
Медленно и странно.
Паруса, белее крыл,
В грязных рваных ранах.

Чайки вились на ветру
С криком бесноватым
И летали сквозь дыру
В корпусе фрегата.

Как во сне, за ним с земли
Наблюдали люди,
И услышал я вдали
Выстрелы орудий.

Ловко спрыгнул на причал
Незнакомый воин,
Подбежал и закричал
Через шум прибоя:

“Вижу, держишь медный грош,
Ветку абрикоса.
Ты ведь здесь подарки ждешь
Рыжего матроса?

Вот тебе – бери, играй! –
Барабан упругий,
Меч и хриплый попугай
Прямиком с Тортуги”.

“Что за выстрелы подряд
Гулко прозвучали?

Почему других ребят
Нету на причале?

Где улыбчивый матрос –
Рыжие веснушки,
И зачем ты мне привез
Детские игрушки?”

Исцеление безумного мальчика

Говорили со мной дубы,
Улыбалась тьма,
Вместе с реками пели львы,
И цвели дома.

Как порхали на языке,
Захлестнув мой ум,
Словно искорки в очаге,
Птичий смех и шум!

В чреслах пламя, утратив злость,
И туман с реки
Целовались, лаская кость
У моей руки.

Трав полуночных силуэт,
Колдовскую вязь
В грозном воздухе громкий свет
Рисовал, дразнясь.

Вечным утром Луна пуста,
Город правил бал.
В океан, распахнув уста,
Я рекой впадал.

Сыт и пьян я был ни за грош,
Мягкий камень грыз.
Сладко море, когда поймешь,
В чем же соль и смысл.

Но целитель пришел сюда,
Опален дотла.
Его волосы – как вода,
Руки – из стекла.

Рвали клювом его язык
Стаи белых слов,
В гнезда глаз улетая вмиг,
Унося улов.

Ныне дуб – это просто дуб,
Гром – всего лишь гром.
Как замерзший ручей в саду,
Мой недвижен дом.

Обратил он молитвой в гладь
Моих притч прибой,
Целый мир завернул в тетрадь
И унес с собой.

В море волны опять горчат,
Не достать Луны.
Не укажут цветы на клад,
Родники скудны.

Тщетно лето, живьем горя,
Льнет к мои устам.
Просит пищи, но просит зря.
Только камень там.